

Время собирать камни

Автор:

Вячеслав Борняков

Время собирать камни

Вячеслав Игоревич Борняков

Философская повесть в лучших традициях модернизма. Путешествие сквозь время и расстояние, уводящее главного героя всё дальше от бессмысленной повседневной суеты и приводящее всё ближе к самому себе. Духовные поиски и метаморфозы личности, изысканно вплетенные в клубок событий, людей и случайных встреч. Аллегория на жизнь, если бы жизнь сама была аллегорией.

Содержит нецензурную брань.

Вячеслав Борняков

Время собирать камни

Глава 1.

Пройдя распутным днём искус,

Иллюзия моей беспечности,

С агонией мирясь полутеней,

В огне сгорает вечности.

«До свидания, мой друг! Только обязательно до свидания, для «пока» мы ещё слишком мало знакомы. Эти дни нашей встречи не зарубцуются в моей памяти никогда, не охладееет в жилах кровь от твоего радужно-радушного прикосновения. Ты сделал меня вновь счастливым, как когда-то давно, в прошлой жизни, или в детстве, что ли. И не надо говорить, что это я такой просто чуткий и неординарный. Нет, нет. Всё это ты, и только ты! У меня абсолютно в голове не укладывается, как можно обладать такой мощной, неистощимой энергией и при этом оставаться настолько непосредственным и невесомым?! А? Ну, скажи. Откуда это всё? Из каких сказочных закромов, каких сусеков. Знаешь, а ведь ты мне отчего-то напомнил типичного былинного русского богатыря. Да, да! Не смейся, ну, правда. Ей Богу, вылитый! И статью, и духом, и образом внешним, особенно отчётливо разглядеть которые мне удалось под чарующим закатным солнцем вешним. С шага перехожу на бег. Подступает к горлу ком, а к глазам слеза. Придётся резко отрывать, иначе слишком больно, иначе нельзя. Береги себя, мой друг. И, умоляю тебя, оставайся до новой нашей встречи таким же, как в памяти моей теперь, ну а вместо обычных титров – впадающая в Волгу наших небес бирюза. Хочешь – верь, а хочешь – не верь...»

Когда я в третий или четвёртый раз перечитывал этот написанный мной отрывок, то невольно и само собой взял на поруки ещё совсем юную, буквально только что оторванную от питательной, полной вдохновения груди мысль. Мысль, невыносимо готовую к употреблению в целях сокрытия истинных мотивов преступления. Преступления против человечества или, лучше сказать, преступления человечеством. И всё это под ритмичный стук колёс многотонной, стремящейся в безымянную философскую даль махины, бережно убаюкивающей моё сознание, давая вдоволь насладиться открывающимся метафизическим горизонтом. Которому вторил вертикально-монотонный пейзаж за окном, лишь изредка сменяющийся безмятежными просторами полей, уже до краёв налитых жизненной силой весны и отважно готовых к битве за новый урожай. И он, по-видимому, не заставит себя долго ждать.

Ладно, шучу. Всё не так серьёзно. Хотя, конечно, мысль эта и достойна порядочного обрамления и пышности форм, но не до той степени, где она сама по себе уже теряется в мерцающем свете многокиловаттных неоновых ламп, что

называют обычно писатели эпитетами или метафорами. А так, знаете ли, небрежно брошенная в котёл человеческих страстей. Правда, с предусмотрительно хорошенько примотанной к ней леской, да такой крепкой, что и самому несносному гуманисту-прозаику не порвать её. Без всяких «но» и оговорок. Только чай, пожалуйста. Без сахара, только с ложечкой. А иначе образ рассыпается. Ложечка придаёт всему сооружению из гранёного стакана и металлического рельефного подстаканника не то чтобы законченный вид. Вид величественный, к которому иной раз можно проникнуться большим уважением, нежели к без устали горланящим дембелям из соседнего купе или несуразно громко храпящему бородачу с верхней полки. Я уже молчу о постояльцах тамбуров, то и дело меряющих своим контуженным от градуса телом вагон от края до края. И вот на этом месте тот самый гуманист из абсолютно искренних, чистых побуждений, с пеной у рта и глазами на выкате громогласно протестовал бы такой расстановке приоритетов. И к доказательству своей правоты всенепременно отважился бы присовокупить непреложную, по его мнению, истину о происхождении величия и грации «чайного набора» от рук тех самых, как раз-таки обделённых уважением пассажиров. Во как! На причинно-следственные связи решил давить. Мол, человеческое творение, априори, не может быть более примечательным, чем его создатель, то есть носитель изначально образа этого самого творения. Ну, что ж, предсказуемо похвально, но пришло время подсекать.

Подавайте вашего гуманиста! Ух, какой! А здоров-то, красавец. Сейчас мы его выпотрошим хорошенько да на раскалённую сковородочку под винным, так сказать, соусом. Вкуснотища! А я ведь всегда говорил: на Волге рыбалка самая что ни на есть. Иной раз такая рыба клюёт, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А всё оттого, братцы, что места здесь такие. Где-то в другом краю смотришь, смотришь на купола, скажем, с крестами православными церковей наших – и ничего, видишь только позолоту облупившуюся, да в голову домыслишь лишь скабрезные лезут: кто и сколько наворовал на службе божьей, ну и подобное. Тут же дух спирает, волей-неволей, только ты возвёл очи свои для примирения с образом дома Господнего. И по-другому его и назвать-то не можешь уже. И вроде та же позолота, но ярче солнца свет от неё почему-то, а от служителей культа таким одухотворением веет, ну прям мистический экстаз, не иначе. Но всё же точь-в-точь такое ровно, как и в других местах. Да что там, хуже даже по убранству и внешнему и внутреннему, не лучше вовсе. Что ж тогда рознит? Откуда этот, говоря на понятном вам языке, вау-фактор черпает свою силу? А оттуда, куда вас, глупцов гуманиствующих, надо всенепременно подзакопать, дабы не стыдили своими деяниями род человеческий.

Земля русская и только она испокон веков была, есть и будет тем нетленным носителем духовности и могущества силы духа русского. О! Вы слышали грохот? Вроде как из вагона ресторана. Ну да, точно! Бьюсь об заклад: это местные шовинисты, побросав свои харчи, ломанулись на мой клич. И ведь взрослые же люди, ёшки-матрёшки. Не по вам звонит колокол, господа. Ешьте спокойно. Я про землю русскую говорю, про землю, не народ. А то, что она оказалась именно русской, точнее, что нас определили жить и множиться на её просторах – это нам всем с вами надо Богу сказать спасибо. Но никогда и ни при каких обстоятельствах не путать этих понятий, даже если вам за это пообещали лобстеров королевских с Шато-де- что-то там на обед и ужин всю оставшуюся жизнь. Ладно, пустое всё. Как пердануть посреди тайги. Дальше, думаю, обойдёмся без лирических отступлений.

Так, значит, продолжим лекцию о влиянии крепостного права на становление системы высшего образования в чернозёмной полосе России. Кто понял шутку – зачёт в четверти, кто не понял – с тех по тысяче рублей. Оброк, господа. Не думаете ли вы, что вся эта ширшина души или та же духовность, а тем более стойкость характера, ну и, самое главное, – принцип воззрения на мир и с ним же образ действий «на дурака» завелись в русском человеке сами по себе? Это ж вам не блохи, в конце концов. Понимаете теперь, почему храм, возвышающийся над Волгой или если брать ещё дальше вглубь России, почему он будит в наших сердцах столь возвышенные чувства? Можно в ключе повествования, кстати, перефразировать (а, точнее, вернуть ей как раз-таки первоначальный вид и смысл) одну достаточно известную пословицу. Не человек красит место, а место – человека. И чем глубже к центру нашей необъятной Родины, к Сибири, тем больше таких мест, тем мощнее сила притяжения добра и тем неразрывней их связь с родовой памятью Земли, хранящей все до одной тайны бытия. Откуда мы с вами и черпаем вдохновение и энергию на задуманные свершения. Откуда в нас прорастают вечные понятия, такие как красота и гармония, тяготеем к которым мы всю нашу жизнь. Осознанно или бессознательно. И оттуда же, собственно говоря, та самая ложечка в гранёном стакане с подстаканником. Не сахар размешивать, жизни сладкой желая. А для того, чтобы, проезжая всё те же бескрайние поля, те же величественные леса и опоясывающие это великолепие кристально-чистые реки, мог ты-человек русский – ощутить тоску по потерянному дому. Прочувствовать чтобы мог этот момент до конца. Был он идеальным. И чтоб могло наступить умиротворение от осознания возможности присовокупить по итогу эту ложечку к своей стремительно множющейся коллекции дорожных трофеев.

Вот такие пироги. Выглядит, конечно, весьма величественно и помпезно на уровне идиом и архетипов, даже немного вычурно, но к месту. Только рассказать я, на самом деле, хотел о другом.

Знаете, я всегда любил путешествовать в одиночку. И, когда приезжал в выбранное мной для отдыха место, заводить новые знакомства также не считал обходимым. Сначала приписывал подобную страсть к издержкам мизантропии. Она частенько нападает исподтишка на людей, озабоченных поисками высших смыслов или ставшим сейчас модным развитием внутреннего мира. Думал, такое поведение – происки рефлексии, чьё отяжеляющее влияние на мировосприятие именно северных народов неоспоримо. Одним словом, совершенно не сознавал своей безграмотности планетарного масштаба, пытаюсь пристально разглядеть истину на одном квадратном сантиметре картины размером с «Девятый вал» Айвазовского. Но всё приходит с опытом, как бы банально это ни звучало. И в такие моменты от всего сердца хочется поблагодарить кого-нибудь «из высшего руководства» за непреложность подобных аксиом.

– «Я извиняюсь, что перебиваю», – неожиданно вклинился в нить повествования один из соучастников нашего путешествия с боковой нижней полки, сделав его таким образом более реалистичным и живописным, – «может, пойдём подышим воздухом? Скоро остановка часа на пол».

Не согласиться с таким щедрым предложением, совершая вояж под флагом Российских железных дорог, было бы равносильно отказу от свежее испечённой буханки хлеба в голодный год.

А потому коллегиально и незамедлительно было принято решение запомнить, на каком месте мы совершили вынужденную остановку, и возвести чаяния по размятию затёкших чресел к небольшой станции, затерянной на многокилометровом пути нашего следования. Большого от неё мы были требовать не в праве. Что, несомненно, является самым лучшим во взаимоотношениях такого рода. Отчего с чувством непреодолимой лёгкости и с распростёртыми объятиями спешила наша бравая четвёрка вагона номер семь.

Солнце до краёв заливало перрон ярко-золотистым светом. А клубы пара от тяжело вздыхающего железнодорожного состава поднимались ему навстречу, непринуждённо создавая атмосферу «загадошности», как окрестила её одна из участниц вылазки. Недолго думая, все разбрелись, утвердив для себя самые

важные дела на эти полчаса. Я же остался у вагона, возложив на него обязанности по спасению от назойливой жары. Не прошло и нескольких минут, как, громогласно заявляя о себе, появились Пиворыбараки. Этакie привокзальные аборигены, окрещённые некогда мною так за свои постоянно назойливые выкрики. Вслед за Пиворыбараками всегда появляются продавцы мороженого и прохладительных напитков, у одного из которых я и поспешил пополнить запасы пресной воды, всенепременно без газа. «Эх, теперь хоть потоп!» – провозгласил я в сердцах, а потому весь перронный шум и гам растеряли свою силу, отойдя на второй план. Лишь краем глаза я успел зацепить, погружаясь в полуденную негу, приближение какой-то фигуры.

– Привет, тебя как зовут?

Вот так контрастный душ – промелькнуло у меня в голове, но, не показывая признаков смятения и достаточно быстро я отвечал: «Слава».

Этот, довольно молодой, кстати, человек, представший передо мной, не был похож на попрошайку или разводилу, а от вопроса его веяло таким давно забытым чувством непринуждённости, искренности даже. Точно! Как в детском саду, когда мы просто подходили друг к другу и знакомились. Ни за чем, просто так.

– А меня Игорь. Я в образе, понимаете? В образе.

– В образе кого? – напросился непроизвольно вопрос.

– Девушки, кого же ещё! Из сериала. Из фильма.

Он чуть помялся и продолжил.

– Из сериала, сериала. Откуда же ещё девушка может взяться.

Потом резко перескочил на другую тему.

– Я в форме полицейской, у меня пиджак ментовской. У меня друг работает в этой, как её? Полиции, не милиции, а полиции. А! И вот что покажу, мне мама подарила.

Достав полицейский жетон, протянул мне посмотреть, а сам продолжал.

– Я никому не даю. Главное, что полицейским показывать не стоит, а то мало ли.

– Ни в коем случае, – подхватил я, немного расслабившись и уже понимая происходящее.

– Вот на днях полиция приезжала ко мне на дачу. Звёздочки вот эти чуть не отобрали, – вторил он, указывая на жетон, – а я не дал никому. Они меня в форме видели. Я в форме был. Наручники, ТТ, машина какая-то. Хотели забрать, да не забирали, я сам покупал.

– А где? – почему-то вырвалось у меня, видимо, в отчаянной попытке вернуть нить повествования хоть в какое-нибудь русло.

– В «Военторге». Там порошки скользкие. Я не пойду туда больше. Ну, я пошёл.

– Счастливой тебе дороги, – рефлекторно выпалил я, добавив под конец, – тогда.

– А куда идти-то?

– Да иди уже куда хочешь, хватит пассажирам надоедать, – внезапно вмешался в наш, если его можно было так назвать, разговор проводник соседнего вагона, стоявший всё это время рядом. И когда тот попятился назад и начал уходить, видимо, будучи привыкшим к таким нападкам, обратился ко мне.

– Он, конечно, безобидный дурачок, но пока голос не повысишь, будет трепаться без умолку. Местная достопримечательность, етить-колотить. И вроде жалко его, молодой ведь, ни мамки, ни папки нет. А сюда повадился ходить, потому что в городе недостаток свободных ушей, во как.

Про свободные уши вставка появилась, наверняка, из-за заезженности истории, – успела проскочить у меня в голове мысль. – Дурачок, как вы говорите, этот похлеще Джеймса Джойса выдаёт месседж. Юродивый, модернист или неофилософ – выбирайте любое. Всё в точку. Да, кстати, и дураками наши далёкие предки называли людей, способных мыслить в двух или нескольких измерениях, плоскостях. Вот так. Я бы тоже хотел таким быть, но не повезло.

Только зачем проводнику, да ещё из соседнего вагона, знать о том, – продолжал я свою пламенную речь, но уже не вслух. так как глаза моего оппонента постепенно вываливались из орбит, а лицо застыло в абсолютном недоумении.

– Вот поэтому и приходится отнюдь не в стане людей искать себе настоящих друзей.

– Что говорите? – выйдя из ступора, переспросил проводник, не осознавая, что я не имел желания донести последнюю мысль до него.

– Пора и честь знать, говорю. Надышались вволю воздухом свободы. Можно, пожалуй, обратно, набравшись сил, давать слабину.

И, оставив его наедине с неоплодотворёнными домыслами, уверенной поступью взошёл в вагон. Примеру этому незамедлительно последовали остальные адепты культа верхних полок и одноразового постельного белья. Все потихоньку расселись по своим местам, начиная незатейливые приготовления к поглощению даров Божьих, прикупленных ими на станции. Кто-то уже опять намеревался впасть в спячку, увлекаемый праведным желанием сократить таким образом время заточения. Наша же неосознанно бравая четвёрка первопроходцев, под моим предводительством, готовилась вкусить новую порцию сочных плодов, выращенных под палящим зноем истины. И, когда всё улеглось и наступила более или менее благоговейная для этого обстановка, я продолжил.

Человек иной раз вынужден искать новые смыслы в привычных обыденных вещах. А вынуждает его на это одиночество, беспощадное в высшей степени, потому как, прорастая из безутешных поисков истины, не ведает оно о деяниях своих, прикрываясь маской искренне чистых побуждений. И вроде бы едешь с несчётным количеством людей в одном и том же поезде, в одно и тоже время, но совершенно и безапелляционно осознаёшь: приедете вы в совершенно разные места. Ну, если, конечно, рассматривать данное высказывание как чистой воды аллерию, – быстро раскусив назревающий каламбур, решил поправиться я. – В таких случаях, полагаю, необходимо молниеносно, одной левой, так сказать, пресекать любые попытки докучающих своей проницательностью интеллектуалов или остроносых беспринципных критиканов переосмыслить в свою пользу сказанное. Только главное – вовремя выйти из крутого пике поражающих своей изобличающей проницательностью прилагательных и вернуться к такой важной, но так бездарно просранной мысли об одиночестве среди толпы. А ведь именно из-за этого и появляются туго закрученные пассажи

подобного рода, выношенные и выстраданные. Чьё основное предназначение, на самом деле, отнюдь не ласкание уже давно притупившегося слуха «гурманов», а, единственно, для послания сигнала SOS. Правда, послание это носит больше вынужденно технический характер, наподобие отделяющейся ступени космического корабля, выходящего на орбиту. И что дальше, спросите вы? А дальше только безграничный космос и остановка радиовещания с Землёй. Но это позже. Пока же мы глобально на перепутье и всё можно ещё изменить. Хотя, признаться, дружить с городами мне по нраву больше, нежели по отдельности с людьми. Этот новый для меня вид взаимоотношений чудесным образом избавлен от тягот повседневности, от фальши и скабрёзности, от битых стекол в сердце поутру, от клятв прихожных в верности. Ну и далее по списку, а главное, если прогулял – не надо от родителей приносить записку. Забавно, да? Только чувственные образы деревянных домов ассамблей, только нежный шёпот прибрежной синевы, только самозабвенно вдохновляющие переплетения уюта переулков с лирикой парков и скверов, отвесных утёсов площадей с наивной прозой улиц и дворики.

Эх, забирает аж! И сразу в такие моменты вспоминается мой закадычный друг. Старина Питер.

– О! Да, да! Точно! – посыпалось со всех сторон одобрительное подбадривание моих неофитов.

– Вот-вот! Питер решает, – вторил я им, – ну, а кто-то, хотя это сейчас и не важно, сосёт, – вконец раззадорившись, выпалил я.

– Ох, Питер, конечно – нечто! Вот он точно авторитет неоспоримый, брутальный романтик. В такого не грех и влюбиться. Когда-то этот город безграничной свободы стал для меня дверью в настоящее. Не в плане момента времени, я имею ввиду, а безжалостной правды в смысле.

– Почему безжалостной, спросите вы? Так она обрушивается на вас всей тяжестью сразу. И хотя открывается только готовым её увидеть и понять, но одно дело понять. А вот принять и сделать частью своего мира гораздо сложнее.

– Слушайте! Ёлки зелёные, получается, Питер – мой ментальный дефлоратор! Ха, забавно. А я-то, дурак, думаю, откуда эта безответная любовь в этого проходимца. У него, сто процентов, таких как я тыщи или миллионы. Хотя нет,

миллионов, конечно, не может быть, но от этого не легче. Ну да ладно, что-то я распалился не по делу. Давно ж это уже было. Сейчас-то у нас с ним совсем другие отношения, не иначе как крепкая мужская дружба.

– Но с изюминкой, – слышалось с верхней полки замечание, не лишённое ноток кокетства.

– Что есть, то есть! Дурашка. – Парировал я, непонятно зачем, решивши ввязаться в эту гомоэротическую дуэль. Потому как стреляться, если что, придётся явно не на пистолетах. Ну да Бог с ним. Слушайте.

Навеяло. Питера свободы дух. Доспехи из наволочек и одеял, конь местами ржавый, вороной пружинный кровати матрас. И честь будь ты добр в бою отстоять под натиском груды дырявых подушек.

Там, за могучей ледяной рекой, незримый зодчий выковал из бессмертных душ пращуров наших мост всеильною своей рукой. И ходили люди, любовались им. Щупали, мяли, глаза вперяли, уста разевали, ушами хлопали, ногами топали. Да только никто понять не может: вроде мост есть, виден, осязаем, а пройти по нему – ни в какую. Так уж и этак пробовали. И на руках, и кубарем, и вприпрыжку. Всё одно. Оттого, не в силах совладать с чудом архитектурным, решили оклеймить его с досады. Пуще детей малых разобиделись. Всё потому как грамоте не обучены с пелёнок, не разумеют Божьих промыслов среди залётных мира домыслов. Ну и что, вы думаете, в итоге? Прошёлся по этому мосту хоть кто-нибудь? Тут всё просто. На самом деле, по нему много кто ходил, но только из числа грамоте обученных. А те, кто грамоты не разумеет, видеть ходяков не могли. В то время, как тем дела нет до невежд, их взоры на другое совсем устремлены. Вот и получается: для одних это пусть изящное, блистающее великолепием, но, в общем-то, просто сооружение, в то время как для других – связующий портал с безграничным и необъятным.

– Может, вы, конечно, спросите, при чём тут вообще Питер?

– Ну, хотелось бы, если честно узнать, – робко заметил самый смелый из слушателей.

– Пожалуй, на этот вопрос вам сможет дать достойный ответ наш любитель «сухофруктов», – нарочито вытягивая окончание фразы, решил я добить моего

латентного дуэлянта на всякий случай. Пусть теперь вывозит как хочет, коли решил влезть со своими гомоостротами в мой гетеросексуальный рассказ, – а я пойду пока до гальяна добегу, с вашего позволения.

– Нужда, заставившая тебя покинуть своё место, отнюдь не была физиологической. – Прокручивал я фразу снова и снова у себя в голове, одновременно пытаюсь взглядом прожечь дыру в стоп-кране, так манящем своей новизной идей в пустоте межвагонного тамбура. Тусклый свет от небольшой потолочной лампы, весь запутавшийся в клубах сигаретного дыма, выдыхал последние запоздалые мысли о непомерной ответственности за осуществление надежд. Ты думаешь, самое сложное – решиться дёрнуть стоп-кран? И всё, мол. После этого сразу же наступит долгожданное облегчение и тебе больше не придётся париться в этой чёртовой консервной банке, доверху набитой невеждами всех мастей? Ну, в общем-то, так и есть и данный факт неоспорим, с лихвою ускоряющий тягостные раздумья нерешительности. Но что дальше? А дальше – ты, получается, занимаешь место тех самых невежд, от которых так вдохновенно пытался сбежать. С единственной, но, правда, весьма весомой оговоркой – это уже другая реальность высшей меры. Со своими неизбежно отличающимися правилами и законами, точнее, их отсутствием скорее, на что твой неподготовленный разум, наверняка, не предложит достойных объяснений. И всё может закончиться, даже не начавшись. Так просто и незамысловато. Ведь нельзя туда, спасаясь бегством, прибывать, ввести тебя должна судьбы всевидящая пядь.

– Дяденька, чего это с вами? – донеслось откуда-то снизу, в то время как крохотная нежная ручка, обхватившая мою, тихонько её потряхивала, – А, дяденька?

– Откуда ж ты взялась здесь, красавица? – предшествовавшая этому вопросу почтенно долгая пауза с выкатившимися из орбит глазами явно свидетельствовала о его всеумоляющей риторичности.

Неисчерпаемая бездна в память о былых заслугах наматывала на кулак своей костлявой руки засаленную плёнку. А ты пока расслабься и расскажи, что так долго держал в себе этому милому ребёнку.

– Хлеще, чем Питер вставляет, пожалуй, только кислота, да и то лишь привезённая из него же. Он вскрывает и обволакивает, забирает и освобождает, влечёт и отдаётся, вяжет как хурма и оставляет сладостное послевкусие.

Окрыляет и одёргивает, и чтобы он ни делал с тобой – делает это по-настоящему, со смачным шлепком по жопе и приговаривая: «Кто моя сучка?» Я никогда не забуду один момент, изменивший мой мир навсегда. Такое невероятное погружение в самое пекло мистерий. Так безжалостно и одновременно изящно надругаться над человеческим мозгом может только он. Тогда ещё наше знакомство было на уровне коллег по работе. Иногда по выходным опрокидывающих вместе по кружечке крафтового и цепляющих приезжих первокурсниц в баре. Небольшая прелюдия, чтобы прощупать почву. А готов ли парниша, не дристанёт ли в последнюю минуту. И потом – «Бам»! Получите, распишитесь. Вынос мозга – всем встать. Это было то самое невероятное и неправдоподобное, случающееся лишь с героями бестселлеров в толстом переплёте. С первых же минут нашей встречи с ним я принял загадочную неизбежность её особенности.

Жетончик от метро в обмен на посылку, переданную мной на вокзале совершенно незнакомому доселе человеку у выхода из метро – машина с таким же незнакомым, но настолько же доброжелательным человеком и белый саван из свежеснеженного душистого снега, устилающего нам путь. Идеальная зима, какая бывает лишь в детских воспоминаниях. И дальше через заснеженные леса с картин наших художников напрямик к избушке, ну только что не на курьих ножках. Хотя в ней мы совершали путешествия однозначно в Тридевятое царство, как ни крути. Правда, если оценивать происходившее тогда более приземлённо, то я просто-напросто попал на двухдневный тренинг по холотропному дыханию в Ленинградской области. Но так как шёл я к этому не один год и тщательно готовился, занимаясь рефлексией, погружением в эзотерические учения и метафизические практики, то, по законам драматургии, всё сошлось здесь и сейчас. Образуя лично для меня некую пространственно-временную воронку, куда безвозвратно засосало меня прошлого. Ну и к этому с лихвой можно добавить неуёмную фантазию, запросто дорисовывающую всё до нужной кондиции.

– Тебе вообще интересно? – на всякий случай опомнился я, дабы адекватно оценить обстановку.

– Да, да. Очень, дяденька! – заверещала моя юная слушательница, всем видом излучая готовность слушать дальше.

– Вот не знаю, бывало ли такое у других, – нерешительно продолжил я своё повествование, – но, в принципе, не важно. Снился, значит, мне один и тот же

сон. Раз, наверное, пять или шесть за год. Начало его было всегда разным, а вот заканчивался он по одному и тому же сценарию. Я появляюсь где-то на море, но в итоге это оказывается Питер, и у меня билет на поезд, на который я безбожно опаздываю. Я иду, потом уже бегу сломя голову, но тщетно. Поезд ушёл. Во всех смыслах. И, как водится по обычаю, сначала не выделяешь таким снам должного места у себя в голове. Когда он повторился раз в третий, естественно, стало, как минимум, интересно, что за фигня. С такой формулировкой именно. Ну а потом, раз на пятый-шестой, бесплодные догадки начинают донимать тебя, пока ты не сдаёшься, оставив неразгаданными задумки высших сфер. Пожевал, пожевал, короче, и выплюнул.

А потом ты идёшь такой от Петропавловской крепости после того самого холотропного дыхания с кристально отбелённым сознанием, выдержавшим погружение и в мир Прави, и в ледяную прорубь тут же у стен крепости в сторону, как вы думаете, чего?

– Вокзала!

– Правильно. Какая смышлёная девчушка. Тогда-то я всё и осознал. Я не опаздывал на поезд, а даже наоборот шёл вольготно, тщательно вымеряя шагами каждый метр «земли обетованной». Пленяющее чувство безмятежности волнами прокатывалось по всему телу. Тот человек, что пару дней назад прибыл в этот славный город, больше его никогда не покинет, безнадёжно затерявшись где-то в дремучих зарослях универсума. А уезжает сейчас совсем другое создание, надвигающейся золотой эры.

Испепеляющий, выжигающий опыт. Мне тогда было явлено универсальное знание о вселенной в виде простого понятного образа, правда, с одной меняющей всё деталью. Которая объясняет полноту вещей и идей в общем и на меня, в частности, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Что было до – стёрлось, сгорело в доли секунды. Все годы поисков и практик махом были вычеркнуты из памяти. Не осталось ничего, и оттого наступила самая настоящая ясность. То чувство, когда ты одновременно знаешь всё и не знаешь ничего.

– Так и что же это за картинка?

– Образ, ты имеешь в виду?

– Ну да, образ. Расскажи, что за образ!

– Ладно, попробую. Его проще преподнести в виде концепции выставки одной картины.

Представь, значит, себе небольшую комнату, наполовину перегороденную стеной чёрного цвета. А в центре стены на уровне глаз вмонтирована картина, задником к входящему и с единственным небольшим отверстием посередине. На картине изображён закат над морем, но только вместо огромного солнечного диска, уходящего наполовину за горизонт, – глаз. Человеческий или нет – не важно. Как символ. И вот тыходишь к чёрной стене, приставляя свой глаз к той единственной дырочке и видишь всю эту картину, отражённую в стоящем с другой стороны стены напротив неё зеркале. И твой глаз в этот момент является зрачком глаза на картине. Как-то так получается. Понимаешь? Эй! Ты куда подевалась? Ээй!

Я стал вертеться по сторонам в надежде найти рациональное объяснение таинственному исчезновению моей собеседницы, но тщетно. Как сквозь землю. На всякий случай решил я посмотреть в соседнем вагоне, и когда взялся за ручку, оказалось, что дверь межвагонного отсека была приоткрыта. Но крошечная тьма, зиявшая на меня оттуда, достаточно резко охладила мой пыл дальнейших поисков. Что-то необъяснимо манящее и одновременно пугающее своей неизведанной натурой таилось за этой дверью.

Первой волны обморожение чувств сошло на нет за счёт безграничной фантазии скрывающейся за ней бездны. Лёгкое замешательство для придания остроты момента и радушно-гостеприимное таинства глубокое помешательство. Всё готово! Рука на ручке, правая нога наполовину скрыта в темноте неизведанного, увлекая за собой остальное тело моё и разум. А спонсор нашей трансляции – нахлынувшие воспоминания. Нахлынувшие воспоминания: погрузись в море грёз с головой. Щелчок, поворот – и солёный воздух резким порывом свежести обдаёт с головы до ног. Я до предела наполняю грудь им. Задерживаю дыхание, и вот теперь точно: приплыли.

Вы думаете, а нужно преодолеть это, скомкать и выбросить к чертям собачьим. Безучастные сиюминутные потуги ценою в грош. Там, за этой дверью – гораздо больше чем можно себе вообразить. Оно не делится, не определяется и не находит эквивалентов. Оно просто живёт своей жизнью, неукоснительно следуя непреложным канонам мироздания. В отличие от нас. Её не измерить, она сама

есть мера. С ней только слиться безвозвратно следует, и баста! Да, кстати. Мне бы очень хотелось, чтобы это непременно была она.

Восхождение длиною в жизнь по времени, а по расстоянию всего каких-то четыре километра. Серпантин и южный склон. Этого не должно было быть в этой книге, но оно случилось само по себе, не спрашивая моего желания. Поэтому не обессудьте. Опять в моей руке бутылка воды «Пилигрим», за спиной рюкзак со всем необходимым и главная деталь – «Дон Кихот» Сервантеса, первый том. Облегающее солнце по пути, да и по сути. Мой путь лежит к его храму. А в голове вертится одна мысль: с тобой случается ровно то, что ты способен вообразить. Если, конечно, на пути тебе не встречаются люди в военной форме и с автоматами. Ты, значит, такой восходишь на гору в самую жару, изнемогая от жажды в виду отсутствия необходимого количества воды, попутно в голове своей облекая эти препятствия в мистические наряды для придания большей важности происходящему, и тут на тебе: «Здрасьте. Вы куда путь держите? Расстегните ваш рюкзак, пожалуйста». Ну, хотя бы воды дали, черти камуфлированные. Последний оплот сопротивления надвигающейся неминуемой реальности рухнул. Был взят в плен, и мне оставалось только, собрав осколки мечты в кулак, утолить жажду из рук военных. Потом, уже на обратном пути, я долго размышлял о таком повороте судьбы, о том, как было раньше здесь и как теперь, когда Крым стал «нашим». И кто эти «наши» тогда, если вооружённые люди охраняют священные места, являющиеся достоянием народа, от этого самого народа?

Всю дорогу меня не покидало ощущение потери им чего-то важного, чего-то настоящего. Как заниматься сексом в презервативе. Телодвижения такие же, но вокруг одни гандоны.

Глава 2.

Вернуться обратно в своё купе я решил ближе к отбою, когда переплетения бесконечного потока мыслей уже кажутся изрядно бессмысленными, медленно утопая в багровом зареве несбывшихся за день надежд. И от всего этого почему-то так легко и неизъяснимо приятно на душе. Немного подождав, пока все окончательно улягутся, я устроился поудобнее у окна и, подперев обеими руками голову, принялся растапливать горизонт взглядом. Чем дольше я

всматривался вдаль, тем всё меньше и меньше оставалось во мне меня, и всё больше я наполнялся благоуханиями полевых трав, дарующих закатному небу свой спелый аромат после зноя отшумевшего дня. Перешёптыванием могучих сосен и дубов, чьи раскидистые кроны никогда и ни с чем не спутаешь. Бесконечной рябью берёзовых рощ, вещающих нам своей замысловатой расцветкой стволов в стиле азбуки Морзе какие-то трепетно-нетленные сказочные истины.

Уже скоро. Уже совсем скоро, – бормотал я себе под нос, – меня ждёт мой новый друг. Он, кстати, наполовину татарин, что для меня совсем в диковинку. Но всё с той же широченной и необъятной русской душой. Эх, жду не дождусь встречи!

*

Ребята, я влюбился! И это любовь с первого взгляда. Я никак не мог подумать, что так выйдет, но она попросту не оставила мне ни единого шанса на спасение. Всего пары минут, проведённых в ореоле её упоительных, чарующих черт хватило, чтобы навеки стать её рабом. Всего пары лёгких взглядов было достаточно для соединения с ней навсегда. Ещё никто так свободно и запросто не дарил надежду, не обещал мир во всём мире, не улыбался в ответ абсолютно незнакомому человеку. Как будто она знала, чего я хочу, была отражением моих самых сокровенных желаний и стремлений. Будто была застывшей во времени, так упорно искомой частью меня самого, беззаветно ждавшей моего возвращения. Видимо, от этого её лицо показалось мне совершенно знакомым, а ощущение постоянного дежавю всё возрастало с каждой минутой, проведённой вместе.

Её величественные пышные формы манили своей роскошью. Когда женщина умеет себя подать и делает это без малейшей нотки вульгарности, исключительно точно подчёркивая свои достоинства, то данный факт вызывает восхищение. Такой женщиной хочется обладать, дарить ей всего себя без остатка, неустанно клясться в любви, просить, нет, даже умолять убежать вместе на край света, в безрассудной и тщетной попытке оказаться тем самым избранным. После чего всенепременно получить кокетливый отказ, а после, предупреждая все бравадные истерики по этому поводу, разоблачить себя. И в миг оказывается она совсем иной – простой и лёгкой, совсем невесомой,

парящей в моих мыслях над бесчисленными островками посреди бескрайней Волги. А я стою в оцепенении, не произнося и звука, боясь любым движением развеять эту сказочную дымку. Но она сама подходит и берёт меня за руку. И вот мы уже весело и беззаботно мчимся по песчаному берегу в сторону волн от проходящих мимо пароходов, которые в ту же секунду поглощают нас с головой, смывая все предрассудки и страхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bornyakov_vyacheslav/vremya-sobirat-kamni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)